

УЛЫБКА КУБЫ

Любовь +
Путешествия

Елена Габова

Елена Габова
Улыбка Кубы
Серия «Любовь + Путешествия»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6674967
Елена Габова. Улыбка Кубы: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-65937-1

Аннотация

На Новый год отец приготовил Жене роскошный подарок – они должны были отправиться на остров вечного лета – Кубу. Но из-за непредвиденных обстоятельств девушке пришлось ехать одной. В Гаване Женьку встретил старинный приятель ее бабушки с внуком Саней. Вместе с ними девушка открыла для себя прекрасную столицу страны, погуляла по берегу Атлантического океана, а затем отправилась в путешествие по Кубе... но уже наедине с Саней. Правда, поездку омрачала возникающая между ними взаимная неприязнь. Парень оказался настоящим гордецом и молчуном. Но, как известно, любовь всегда приходит неожиданно. И Женька сама не заметила, как влюбилась. Вот только ответит ли на ее чувства Саня?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

46

Елена Габова

Улыбка Кубы

Отец приготовил мне роскошный подарок на Новый год. Ой, конечно! У него же передо мной чувство вины. Потому что он меня бросил. То есть он не живет с нами, а с другой, какой-то совершенно дурацкой семейкой. Там двое маленьких мальчишек. Я у него единственная дочка и уже большая – шестнадцать лет. Вот он для меня и старается.

Поездка на Кубу. Вот такой подарок приготовил мне папа на Новый год. Суперпотрясный! Мы едем вместе с ним гулять по острову Свободы – так называет папа Кубу. Он показал мне маршрутный план – вау! Его составил какой-то папин товарищ, бывший на острове уже два раза. Сначала Гавана, потом Варадеро, потом какой-то необитаемый остров, да так и написано – Uninhabited island, потом... потом... словом, праздник на две недели! Вообще-то я не очень поощряю отца своим обществом. То есть, если он меня приглашает кофе попить или в торговый центр наряд выбрать, я могу и закапризничать. Могу сказать – мне некогда, извини, пап. И все! И он ничего не может с этим поделать.

Но тут я растаяла. Думаю, меня каждый поймет.

Оставалась неделя до поездки. Папа уже взял ваучеры, заплатил за отели, а билеты, разумеется, он давным-давно приобрел. Папка мой – человек предусмотрительный. Он вооб-

ще-то хороший парень, вся его вина заключается в том, что он живет с теми... а не со мной и мамой. Но я с этим смирилась. А что делать?

И тут... говорят же: не бывает все хорошо. И еще говорят: не надо хвастаться. А я расхвасталась перед девчонками в классе: ура, Куба, еду на Кубу! Они, конечно, завидовать... ну и вот... зря радовалась.

Папа возвращался домой на «Мерседесе», и на него налетели какие-то «Жигули». Или «Лада»... ну, словом, наша российская машина сделала больно немецкой тачке. Если бы это была не машина моего папы, я бы сказала: ну и ладно, не всегда же наоборот! В лоб получил «мерс», а не «жигуленок», и поделом. Потому что нечего хвастаться крутыми иномарками, хотя не все, конечно, выставляются. Но много таких, кто да. Но это я, наверное, от зависти говорю. Потому что у нас, например, вообще нет машины. Мама водить боится, а у меня еще нос не дорос.

Ладно, слишком много я о машине, это нехорошо, это железо, и, как говорит папа, фиг с ним. «Мерс» изувечился, это ничего. Самое плохое, что и сам папа загремел в больницу с переломом ноги. И вся наша Куба накрылась этими «Жигулями» или «Ладой». Весь остров.

Я ревела. Из-за всего. Из-за папы: он пострадал, хотя, слава богу, что не случилось чего похуже. Машину я не жалела, мне вообще не нравится «мерс». Машины мне нравятся японские. А больше всего я ревела из-за того, что мы не

сможем поехать.

И тут с больничной койки звонит папа.

– Доча, привет! Ты где?

– Из школы иду домой. Сейчас прохожу магазин «Стоп-сигнал». Как ты? Нога болит?

– Нет, мне обезболивающее колют. Я вот что подумал, доча.

Папа сделал паузу, и я затормозила. Смотрю в витрину этого «Стоп-сигнала», на колеса зимние и летние, соображаю, какая между ними разница, и жду, что папа еще скажет.

– Ага. Что, пап?

– Слушай, – он снова заговорил, и я двинулась дальше. – Зачем тебе отказываться от хорошей поездки? Езжай одна.

Суперпотряс! Я прямо остолбенела. Стою посреди тротуара, прижав трубку к уху, народ меня со всех сторон обтекает.

– Одна! Пап, как это – одна? А кто меня пустит-то одну?

– Ничего. Мы с мамой это уладим, я вызову сюда нотариуса, и мы подпишем согласие. Тебя выпустят за границу. Тебе уже шестнадцать. А там – там же у меня все отели проплачены. Ты уже большая девица, с головой у тебя все в порядке. Согласна?

– Н-не знаю, – у меня сердце прямо забилося. – Лучше давай билеты сдадим.

– Понимаешь, я такие билеты купил, что сдавать их нельзя. И на другого их не переписут. То есть они просто пропадут, если никто не поедет. Пусть хотя бы один билет не

пропадет!

– Да я-то согласна, вот только... Пап, я сама тоже немного боюсь. И мама меня ни за что не отпустит!

– Чего боишься, ты же была за границей.

– Да! С мамой. В Турции!

– Большая уже и без матери не умрешь. Английский ты хорошо знаешь.

– Вроде бы да, неплохо, у меня пятерка.

– Ну вот.

– Но ведь на Кубе испанский!

– Дочь, во всем мире знают англиш. И между прочим, Женя, везде, во всех странах, живут люди. И знаешь, дочка, они везде одинаковые, что в России, что в Африке, что на Кубе. И хороших людей всюду больше. Не пропадешь!

– Ты с мамой об этом говорил?

– Не успел, я пока тебе эту идею озвучил.

– Она ни за что не согласится меня отпустить.

– А мы скажем, что тебя на Кубе встретит мой друг.

– Врать нехорошо, чему ты своих мальчишек учишь?

– Разве мы будем врать? Я постараюсь это устроить.

– У тебя там есть друзья? Что-то я об этом ни разу не слышала!

– Детства. Там они остались после распада Союза. Не захотели сюда возвращаться.

– О'кей. Тогда я поеду. Если встретят. Ты давай поправляйся скорей.

– Доча! – вдруг закричал папа в трубку.

– Ага. Я тут, пап, не кричи.

– Прости меня, Женька. Мы еще с тобой куда-нибудь обязательно слетаем. Простишь?

– Да ладно, папа, не парься. Ты же не виноват.

* * *

На самолет меня пустили. Да и как могут на самолет не пустить? У меня паспорт! В зоне нашего контроля пограничник спросил: меня кто-нибудь будет встречать? Я ответила: да. Он изучил бумаги с печатями. Внимательно посмотрел на мою физиономию. И все дела. И вот я в аэробусе, здоровом таком пузане, в экономклассе. Шесть мест в ряду, по три с каждого края. Мое место у прохода. Рядом со мной парни из Швейцарии, мы тут же познакомились, они летели на Кубу самолетом «Аэрофлота», потому что так дешевле. Дешевле! Вот те на! У нашего «Аэрофлота», оказывается, есть преимущества! Не знала. Скоро швейцарцу Ульриху стало плохо, и он попросил меня поменяться местами, потому что каждые пять минут он бегал в туалет, его тошнило, на его лбу выступили капельки пота. Я села рядом с Джоном и одним глазом косилась в иллюминатор.

– Хочешь к окну? – спросил он. По-английски, конечно, спросил, по-русски они ни бельмеса не понимали. Он спросил это, когда мы пролетали над морем и вода была как стек-

ло, а я не очень люблю стекло с высоты.

– Нет, спасибо, я лучше здесь посижу.

– Как хочешь. А ты зачем на Кубу летишь? Если не секрет, конечно.

– Отдыхать.

– Одна? Не страшно?

– Нет, не страшно, меня там встречает друг.

– А, – сказал Джон и понимающе заткнулся. У меня вообще такое впечатление, что все парни знакомятся с девушками только в том случае, если эти девушки не заняты. А если у них есть какой-нибудь мало-мальский знакомый паренек, им уже и неинтересно. Какое-то странное, потребительское отношение к девушкам.

За иллюминаторами был сильный встречный ветер, самолет болтало, как тряпку. В турбулентные зоны мы попадали раз пятнадцать. Ульрих просто позеленел весь от болтанки, на него было жалко глядеть. Летели мы, летели и долетели до Ирландии. Здесь наш самолет посадили на дозаправку. Я взглянула в иллюминатор, надеясь увидеть кусочек Ирландии – зеленые поля, белых пасущихся барашков, трубы каминов над домами из дикого камня... Но ничего не было видно, кроме ровного и огромного – до самого горизонта – лётного поля и стоящих на нем незнакомых самолетов. Нас никуда не выпускали. Пассажиры сидели и тихонько роптали. Никто не ожидал посадки в Ирландии. Через четверть часа ропот перерос в шум, а затем – в скандал. Старт дала

какая-то тетенька лет сорока с пушистой прической, валиком нависающей надо лбом.

– Я не платила за непредвиденную посадку! – закричала она. – Нас не предупредили, что мы будем где-то садиться! Я с ребенком!

Как будто бы ребенок от этой незапланированной посадки пострадал. А мальчишка ее пучеглазый сидел рядом и улыбался, очень довольный жизнью. Детям вообще-то начихать на всякие мелочи, и почему взрослые прикрываются детьми, мне не понятно. И тут все пассажиры просто взвились! Я в первый раз наблюдала такое. Стали кричать, что «Аэрофлот» – отстой, что в других странах так не бывает. Если не указано в билете посадки – не сажают! Не сажают, и все!

– Это безобразие, мы будем жаловаться, верните деньги! – кричал кто-то.

...Ха, как будто можно было их тут высадить в Ирландии, вернуть деньги, и они пешком пошлепают отсюда обратно в Москву. Шум в салоне стоял невероятный. А я сидела и ничего не понимала. Кроме того, что все взрослые в этом самолете сумасшедшие.

И тут в салон вошел мужчина в строгом костюме с галстуком. У него был вид министра иностранных дел. «Министр» встал в проеме двери. Постепенно наступила тишина. Все ожидали от человека какого-то важного заявления.

– Меня зовут Владимир Николаевич Шергин, – представился мужчина. – Я представитель «Аэрофлота». Ваш само-

лет приземлился на дозаправку в аэропорту Шэннон. Посадка непредвиденная, потому что за бортом наблюдался сильный встречный ветер.

Все опять закричали, что не предупреждали.

– Если в самолете сейчас же не прекратится шум, мы вынуждены будем вернуть его обратно. Вы представляете, какая энергетика накапливается в этих тонких стенах! Вам лететь через океан, и странно, что вы это не учитываете.

Дяденька озвучивал мои мысли. Я примерно о том же думала! Я даже немножко возгордилась: какая я умная!

И все сразу замолчали.

Самолет покушал керосина, и мы полетели дальше.

И все потом было хорошо, только мы очень долго летели. Швейцарец продолжал мучиться. Он сидел справа от меня с бледным, прямо-таки белым, лицом. Достался ему этот ветер, прямо жалко глядеть было на Ульриха.

Международный аэровокзал в Гаване такой огромный, что пассажиров огромного аэробуса как будто ветром разметало. Аэровокзал суперсовременный! Все блестело – и сверху и снизу. Выющиеся растения вились с потолка до самых блестящих плиток на полу... Пограничных постов столько, что пассажиры прошли контроль почти что мгновенно, и скоро я осталась в зоне контроля совсем одна. Честно говоря, я сильно трусила. Я сомневалась, что папа отыщет на большущем острове своего старинного товарища, которого

знал, как говорил он, по школе. Когда я улетала, папа еще никого не нашел. Но успокаивал меня с больничной койки, что все будет в порядке. Лететь я буду двенадцать часов, он успеет. А летели мы все четырнадцать. Но раз он не нашел за неделю, почему он должен успеть за полсутки? Поэтому я не торопилась выходить из зоны пограничного контроля. Куда мне торопиться одной? Сяду в такси, скажу название отеля и все, меня довезут... и некуда торопиться. Но не будешь же торчать тут целую вечность! Пришлось подойти к пограничнику-кубинцу. Он меня вообще ни о чем не стал спрашивать, просто улыбнулся белозубо, сказал что-то по-испански, а не по-английски, как водится, и шлепнул штамп в паспорт. А я-то приготовилась перед ним отчитываться: в руке веером держала ваучеры в отеле – целых сто, наверное, штук!

Но меня встречали!!! Папа все-таки отыскал одноклассника!!! Как-то умудрился!!! Браво, папа!!! Но – как? С больничной койки? На Кубе, я слышала, нет мобильной связи! По крайней мере, с Россией – через океан! Но для папки моего нет ничего невозможного!

Папин друг детства – длинный-длинный, уже седой, с добрыми светлыми глазами, которые прятались в морщинках. И все его лицо было в морщинках. Странно. У моего папы ни одной морщинки, а этот... быстро как постарел папин одноклассник.

– Дядя Андрей, – представился он. Приобнял меня и добавил: – Как жаль, что твой дедушка Вася так рано умер. Как

жаль! Какой хороший был человек!

Я давай соображать, почему в самые первые минуты встречи он вспомнил про моего дедушку Васю, который и правда умер два года назад от острого инфаркта. Неужели папа каким-то образом поговорил с одноклассником по телефону и даже про дедушку успел рассказать?

– А как папа? – спросил дядя Андрей. – Ему лучше? Скоро снимут гипс?

– Не знаю. Обычно через месяц снимают.

Дядя Андрей спросил про папу, и я успокоилась. Все нормально.

Чуть поодаль от нас стоял парень. Высокий, худой. Папин друг оглянулся и сказал:

– А это мой Александр, ему шестнадцать, как и тебе. – Парень смущенно улыбнулся. – Александр, Женя не кусается, подойди.

Парень застенчиво подошел и подал мне руку. Он не знал, наверно, что руку первой подает женщина, девушка. Я пожала ее, представилась:

– Женя.

– Александр.

Как у них все серьезно! «Александр» – ни больше ни меньше. С ума сойти!

Пожала его лапку. Да! Именно – «лапку»! Мне она показалась мягкой, беззащитной, как у маленького мальчугана, а не моего ровесника. У, какой же он длинный! Своего отца

догонит, будет вообще коломенская верста. На носу и около носа конопушки. Забавно! Конопушки в шестнадцать лет! Он был в синей футболке, и руки его до локтей были в коричневых родинках. Четыре или пять родинок – на каждой руке. Тоже как конопушки. Волосы у него были рыжие, но не яркие, а какие-то бледно-рыжие – словом, блондин. Я все силилась понять, кого же он мне напоминает. Вспомнила! Александр был похож на Никиту Преснякова. Точно! Мне этот Никита очень нравился, я его раза два видела по телевизору, он в каком-то музыкальном конкурсе участвовал. Красавчик! И поет замечательно! Бабушка Алла, наверное, им гордится! Вот этот бледно-рыжий Александр был похож на нашу восходящую звезду, только фигура у него пока еще хилватая. Ничего, выправится! И еще я подумала, что трудно, наверно, блондинам на Кубе жить. Они плохо загорают, яркого солнца им надо опасаться. А тут как назло: солнца – неограниченное количество!

Ура! Почему во мне все бушует от радости? Где я?! На Кубе! На прекрасном острове, где вечное лето! Я мчусь в Гавану в такси. Меня посадили на переднее сиденье – смотри, Женька, наслаждайся! С ума сойти – я в Гаване! Я до сих пор не могла в это поверить. Испытывала что-то вроде телячьего восторга. Прежде всего – погода. Я купаюсь в тепле! Справа и слева мимо проносятся пальмы! Москва была завалена снегом по самый Кремль, а тут – зелень. Шапку и вареж-

ки я бросила в рюкзак в зоне паспортного контроля. А пуховик еще в Москве, в Шереметьево-2, отдала своей подруге Алишке. Алишка – моя самая лучшая подруга. Мы ничего друг от друга не скрываем. Она меня и провожала. Мама была на работе (ей нельзя отлучаться, она врач и у нее была смена), папа в больнице, но в другой больнице, не там, где мама работает. Да даже если бы они были в одной больнице, то что? Они не любят встречаться. Ненавижу их за это обоих. Ведь были влюблены друг в друга, поженились, родили дочку – меня, а сейчас как враги. Если встретятся случайно, кивнут слегка и больше не глядят друг на друга. Дурные какие-то взрослые. Ну ладно, я отвлеклась.

Сейчас я была просто в джинсах и толстовке. Вертела головой и ахала. Вдоль шоссе шагали кокосовые пальмы с расщепленными макушками. А стволы, стволы-то у них какие забавные. Словно длинные бутылки, отлитые из светло-сиреневого бетона. Чем-то кокосовая пальма напоминала мне дядю Андрея – тот тоже длинный, в сиренево-сером костюме, и седые волосы у него лохматые, как их зеленые прически.

А машины! Слушайте, я что, в музее? Или смотрю смешной детский фильм? Больше всего машин знакомых – это «Жигули», но старые-престарые, с крыльями разных цветов, а то и просто некрашеными. «Жигули» разных моделей – шестые, пятые, четвертые... даже первые – «копейки»

с круглыми выпученными глазами. А еще старинные «Победы» с горбатыми «спинами», как огромные жуки, я видела такие в фильме «Подкидыш». А еще старинные «Волги», «Запорожцы»... Все ясненько! Куба «донашивала» братскую помощь Советского Союза. У иной «Волги» вместо заводской эмблемы – оленя, наверное, потерянной за много лет жизни, на носу припаян лебедь с изогнутой шеей! На капоте другой – самолет, носом устремленный в небо. Может, это летающая машина? Ха-ха! Сейчас умру от смеха! А еще было много незнакомых американских легковушек из тридцатых или пятидесятых годов – я их тоже в старых фильмах видела, в киношке «Назад, в будущее» их полно. И все это разношерстное стадо сигналило, гудело, веселилось! Ага, звуковые сигналы здесь, значит, не запрещены. Может быть, я уже в прошлом веке? А? И везде, всюду пальмы, пальмы, пальмы с зелеными шевелюрами. Мелькают экзотические цветы на незнакомых кустах. Из деревьев мне знакомы только бананы. Знаю-знаю, что это трава. Но какая! Бананы висят на «травинках» не по пять каких-нибудь штук – гроздья состоят из сотен плодов.

Иногда я оглядываюсь на своих спутников, чтобы что-нибудь у них спросить, и вижу только Александра, сидящего наискосок. И я замечаю, что у него синие глаза и белесые ресницы. Очень он был весь какой-то разноцветный – рыжий, синеглазый, с яркими коричневыми родинками на руках. И футболка у него под цвет глаз – нарочно, что ли, та-

кую надел, чтобы их цвет подчеркнуть? Вряд ли, мальчишки до этого не додумаются! В этом отношении они туповатые.

Ура, ура, трижды ура! Народ, я вынырнула из московских сугробов прямо в лето. Наверное, оно отсюда, это чувство нереальности, словно я смотрю старый латиноамериканский фильм. Я высовываюсь в открытое окно машины, поднимаю голову к глубокому синему небу. Какое же оно летнее, безоблачное! Я гляжу на чернокожих людей в легких одеждах, на стайку детей в пионерских галстуках. Вау! У них водятся пионеры! Это племя давно пропало с наших российских просторов! Мы иногда говорили об этом в школе и жалели. У Алишки сохранился мамин красный галстук... Она однажды надела его, и я ее сфотографировала. Мне понравилось, мы поменялись ролями, где-то в моем компьютере есть снимок меня «пионерки». ... Проехали обломки каменных стен... Блин, я же не смотрю старый латиноамериканский фильм. Я сама участвую в его съемках! Снимается эпизод: героиня в такси!

Довезли меня до гостиницы.

Папа в каждом отеле заказал по два номера. Дядя Андрей по этому поводу высказался:

– Понятно, почему папа по два номера оформил. Ведь ты большая, в одном номере папа с тобой стесняется жить.

Стесняется! Да не стесняется он, а от меня отвык – мы же в разных квартирах проживаем. И в разных домах. И в

разных районах. Интересно, а дядя Андрей знает об этом или нет? Но я не собираюсь на эту тему распространяться, какое кому дело?

Сейчас дядя Андрей что-то быстро объяснил на ресепшене. Я показала паспорт, и мне выдали пластиковую карту-ключ от моей комнаты.

– Иди, устраивайся, – сказал дядя Андрей, – твоя комната на пятом этаже, а мы тебя в холле подождем.

Он направил меня к лифту.

Холл огромный, с маленькими, для двух персон, диванчиками, а на них маленькие подушки-думки, чтобы посетителям было удобно сидеть. За фортепьяно в центре зала молодой человек наигрывает что-то спокойное. Живая музыка в отеле... классно!

Коридор длинный, паркет сверкает лаком, в расширениях коридора стоят вазы с кудрявым аспарагусом, цветы выпирают мощными валиками, а потом зеленым водопадом спадают до самого пола. Какой же он тут здоровый... у нас дома аспарагус в горшочке хилый и задумчивый, а тут он прямо буйствует, не раздумывая ни о чем.

Легко катится за мной красный чемоданчик. И на душе легко, петь хочется.

Что такое? Кому-то еще кроме меня хочется петь. По коридору разносится кубинская песня. По мере того как я подхожу к номеру, песня все слышнее и слышнее... Может, кто-

то прямо в моей комнате поет? Песня для гостьи из северной страны? А, понятно! Рядом с моим номером убирают соседнюю комнату. В проеме двери видна пышнотелая кубинка с кружевной наколкой на голове в белом переднике. Ой, какая же она коричневая! Просто шоколадка. В ее руках летает швабра, а по всему этажу летит песня... вот певунья! Я улыбаюсь ей, киваю в проем и открываю свой номер. Песня тут же замолкает. Я ее спугнула! Она решила мне не мешать!

Ну что ж! Принимай меня, комната в кубинском отеле! Смотрю на обширную, с футбольное поле, ретрокровать, на старинного типа кресло-качалку. Выглядываю из окна – виден кусок улицы и часть второго этажа, выпирающего углом, на котором открытая терраса с маленькими столиками и плетеными стульями. Кафе! И там буйствует сочный аспарагус.

Здорово! Здорово! Здорово! Вечером покачаюсь на качалке. У меня книжка с собой. Устроюсь в этом кресле и буду читать...

Я вытаскиваю телефон, открываю. Связи, увы, нет. Жаль, очень жаль. Плохо без телефона! Но пусть он у меня будет, хотя бы и без связи. Камера работает, музыка тоже. Хотя фотоаппарат у меня есть отдельный, он качественнее снимает, в нем больше пикселей, чем в телефоне.

Сменила толстовку на легкую блузку и вернулась в холл к дяде Андрею и Александру.

Мы зашли в маленькое кафе на первом этаже. Здесь бы-

ло всего три столика. Дядя Андрей взял себе кофе, а нам – мороженое.

– Ну, – начал дядя Андрей, размешивая ложкой сахар в крошечной чашке и поочередно глядя на нас с Александром, – что же мы будем делать?

– Пойдем гулять! – с оптимизмом ответила я.

– Женя, я в том смысле, как тебе путешествовать по Кубе? Твой отец запланировал несколько интересных мест. Одной тебе можно, конечно, ездить, ничего с тобой не случится, у нас страна спокойная. К туристам относятся дружелюбно. Но... – дядя Андрей замолчал и многозначительно посмотрел на меня, – но ведь ты не знаешь испанского...

– Я знаю английский! – быстро ответила я.

– ...Во-вторых, тебе просто-напросто будет скучно в одиночестве. И вообще девушке одной неприлично путешествовать...

– Почему? – я строго взглянула на дядю Андрея. А чем девушка хуже-то? Почему всегда так говорят? Что тут неприличного, если девушка одна? Ведь это, в конце концов, дискриминация!

Дядя Андрей не нашелся с ответом и просто развел руками.

– А может, ты вот этого молодого человека возьмешь в напарники? – осторожно спросил он и покосился на сына.

Я посмотрела на Александра. Он сразу покраснел, как девчонка. И отвернулся в сторону, словно был ни при чем.

– А что, он может?

– У него каникулы.

– А-а... А в гостиницы, ой, отели, его пустят? В ваучерах же другая фамилия.

– Пустят. Номера разные во всех отелях, – дядя Андрей еще раз поглядел в мои ваучеры. – Все у тебя оплачено. Вот и справка есть из больницы, что у отца, «перелом правой голени», – прочел дядя Андрей и покачал головой. – Надо же, как бывает... Не повезло...

– Повезло! – возразила я. – Могло быть хуже!

Сказала так и содрогнулась от мысли, что некоторые в дорожных катастрофах вообще погибают.

– Это да...

Дядя Андрей помолчал, а потом добавил:

– Подумай, Женя. Правда, я должен тебя сразу предупредить, – он смущенно кашлянул в кулак, – заплатить за путешествие мы не сможем. Куба – страна бедная, к сожалению, а мы – кубинцы.

– Да это ерунда, тратить ведь уже не нужно, – поспешно сказала я. – У меня есть деньги. А он поедет со мной? – я кивнула в сторону рыжего. – Может, я противна ему?

Я нарочно сказала об Александре в третьем лице. А что он сидит как неродной, как будто не о нем речь... подумаешь, гордый.

– Что ты говоришь, Женя, – возмутился дядя Андрей. – Я уверен, ты очень нравишься моему внуку.

Оп! Что он сказал? Внуку! Я-то думала, дядя Андрей – отец Александра, просто в годах, так ведь бывает!

– Не набивай себе цену, – вдруг сказал этот молчун и скромник – «внук». И посмотрел на меня свысока. Ох, ничего себе – как он умеет! Да я тоже так могу. Я подтянулась, выпрямила спину и посмотрела на него тоже так, по-верблюжьей, свысока.

Александр потрепал волосы, подергал себя за челку и произнес:

– Дед, если нужно, я буду сопровождать эту даму.

Слово «даму» он сказал с пренебрежением. Мне не понравилось это слово. Но я промолчала.

Дядя Андрей повеселел.

– Вот и ладушки. Доедайте свое мороженое, а я выйду, покурю.

Он вытащил пачку совершенно обыкновенных сигарет. Я-то думала, если на Кубе кто-то курит, то только знаменитые кубинские сигары. А тут – какая-то тривиальная пачка. Дядя Андрей вышел на улицу, и мы остались одни.

– Если я – дама, то ты тогда кто? – с усмешкой спросила я.

Александр как раз проглотил ложечку мороженого. Поперхнулся, покашлял и сказал:

– Ну... наверное, сеньор. А может, господин. Говорят же – дамы и господа.

– А! Господин, значит, – ехидно произнесла я.

Уткнулись каждый в свою креманку и лопаем мороженое.

По ложечке, по ложечке, не торопясь.

– У вас на Кубе так говорят? – ехидно поинтересовалась я. Вспомнила, что все они – товарищи!

– Нет. Не у нас. Да ладно, не придирайся к словам. Неудачно выразился, отстань.

Я решила переменить тему. Да ну, сразу отношения выяснять... Это значит – их портить. Кому это надо?

– А тебя что, все так Александром и зовут? Так серьезно? Может, у тебя и отчество есть? Хочешь, по отчеству тебя называть буду? Ты кто по отцу? Александр...

– ...Орландович. Но по отчеству тут не принято звать. У кубинцев нет отчеств.

– Орландович! Ничего себе! Мой папа говорил, что вы из Советского Союза. Не знала, что советского парнишку могли назвать Орландо.

– Орландо – не советский парнишка. Это мой папа. Он кубинец. Если говорить про «советскость», то моя мама Оля тут больше подходит. Хотя она тоже уже на Кубе родилась. Она похожа на отца, ну, моего деда – вот этого, Андрея. А я – в нее.

– Ой, как все сложно. Сразу не разберешься! Мой папа говорил, что у него тут друг-одноклассник...

– Одноклассниками были наши дедушки. Андрей и... Как твоего дедушку звали?

– Василий.

– Вот они одноклассники – дед Андрей и твой дед Васи-

лий. Твой отец разыскал моего деда по адресу и телефону, а лично он с дедом не знаком.

Ничего себе – папочка! Просто Шерлок Холмс! Я же говорю – для него нет ничего невозможного! Мой дедушка Вася умер два года назад от острого инфаркта. И вот папа вспомнил, что его папа учился с дядей Андреем, который уехал работать на Кубу и остался там после распада Союза. Нашел в его бумагах адрес, телефон... Или его домашние нашли, он же сам в больнице... Да-а... Вот это цепочка!

– Ладно, Александр. Как-нибудь я все это разложу по полочкам. А можно я буду звать тебя покороче – Саней?

– Саней? – переспросил Александр. – Почему – Саней? Мои бабушка и дедушка иногда называют меня Сашей.

– Потому что ты – Алек-сан-др, Саня. Это твое короткое имя.

– В России есть Александры?

– Полно! Только их все зовут коротко: Саша, Саня, Шура.

– А Шура почему?

– Ой, спроси что-нибудь полегче, – я засмеялась. – Наверное, от «Сашура». Ты же русский хорошо знаешь. Знаешь, сколько у нас в языке суффиксов, окончаний...

– Про суффиксы – не знаю. А твое имя как коротко будет? Дже?

– Почему Дже? – я засмеялась. Вот так номер: Дже! Обхохочешься. – Женя. Это и есть короткое. А полное мое имя Евгения.

– Дже-ня, – по слогам произнес Саня.

– Женя, – поправила я.

– Ж... Дженя, – снова повторил Саня.

Неужели мое имя трудное? Наверное, у них нет звука «ж» без «д». Как в английском – Джек, Джон, Джексон... Да ладно, пусть как хочет зовет. Это мелочи.

– Ну, что сеньор Саня, пошли?

Чернокожий швейцар с готовностью распахнул перед нами двери, и мы вышли на пронизанную солнцем улицу. И снова меня обуял восторг – я в зелени, в тепле, а в Москве сугробы и снега выше нормы. Бедная Алишка! – я вспомнила про подругу. – Ходит сейчас по заснеженным улицам. В шапке. В теплых замшевых сапогах! Варежкой от снежинок отмахивается! Вот бы ее тоже сюда, уж мы вдвоем нашли бы чем заняться! Нам вдвоем никогда не бывает скучно! А с этим Саней Орландовичем я, наверное, умру от скуки.

Дядя, а вернее, дед Андрей, как выяснилось, ждал нас на крыльце. Но я же не буду его «дедушкой» звать. Мне он, в конце концов, и не дедушка вовсе. И выглядит очень даже моложаво. Буду звать его так, как он мне сам представился: «Дядя Андрей».

Мы перешли дорогу и остановились перед Капитолием.

– Ух ты! – воскликнула я, глядя на внушительных размеров здание с куполом. Точно как в Америке!

– Ты была там? – удивились оба.

– Нет, по телевизору каждый день видишь. У нас Америку любят показывать...

– А у нас – нет, – заметил Александр-Саня.

– Да, у нас Америку не жалуют, – подтвердил дед-дядя Андрей и с усмешкой взглянул на внука. – Правда, Александр?

– Я же сказал! – Саня пожал плечами.

– Ты права, Евгения, это точная копия американского Капитолия, – сказал дядя Андрей. Постояли у лестницы, ведущей к «точной копии». Прогулялись по улице, выложенной блестящими каменными плитами – как в каком-нибудь здании – до моря. Мексиканский залив отделял от города мощный парапет. Волны разбивались о него, и я немножко побаловалась с брызгами. Мне и побольше хотелось бы с ними, с брызгами, пообщаться, освежить лицо, ноги, но я постеснялась. Да ну, еще подумают, что я несерьезная и маленькая.

– Жалко, тут не искупаешься, – заметила с сожалением. – А где-нибудь мы сможем сегодня искупаться?

– В Гаване нет пляжей, – огорчил дядя Андрей. – Купаться вы завтра поедете в Варадеро.

О, какая жалость! А мне так хотелось сегодня же плюхнуться в морские волны!

– Не устала? – спросил дядя Андрей.

– Ничуть. Я наслаждаюсь летом! – Я потрянула головой и сорвала с волос стягивающую хвост резинку.

– Тогда мы тебя в интересное место поведем, – дедушка

подмигнул сначала мне, потом Саньке.

Мы шли по Гаване, красивому городу с испанской архитектурой. Правда, красота эта была сильно потускневшая. Здания обветшали, про них так и хотелось сказать, что они, бедные, в нищенских лохмотьях. Кое-где торчали одни колонны, у иного дома были видны внутренние стены. У братьев Кастро, видать, не было денег, чтобы содержать город в порядке. И потому что в городе то тут, то там маячили разрушенные здания, мне еще более казалось, что я смотрю какой-то странный фильм. Мое сознание как будто раздвоилось. Иногда мне казалось, что я попала в прошлое. По-прежнему вызывали умиление антикварные машины. Иная, составленная из каких-то ржавых деталей, была выкрашена чуть ли не половой краской. Двигалась по улице со страшным дребезжанием. Но ведь двигалась! Теперь понятно, почему на нашем самолете какие-то люди везли десятки крыльев к «Жигулям», – запасные части, их ведь тут не достать. Россия уже не ведет с Кубой торговли, а бескорыстная помощь осталась в прошлом. Папа перед поездкой проводил мне «ликбез» по Кубе. За день до вылета я пришла в больницу его навестить, принесла атлас, мы на карте нашли все «отмеченные» в маршруте места. Папа выглядел молодцом, улыбался, шутил, несмотря на то что его нога была на растяжке. Перелом у него был сложный.

Какой-то «жигуленок» не заводился, и его дружно под-

толкнули прохожие. Видать, здесь это обычное дело. Зато все это ветхое автомобильное стадо по-прежнему гудело. Но все-таки нужно отдать справедливость – новые машины, уже не российские, здесь тоже гоняли. И гудели, понятное дело. Разве кто-то откажется «побибикать», если это разрешено?

По дорогам между машинами сновали велорикши. И очень редко попадались конные упряжки с парой лошадок. Дядя Андрей сказал, что это конное такси, на котором мы, если захотим, можем покататься.

Я смотрела на все происходящее, широко раскрыв глаза. Было чему удивляться! Вот хотя бы очередям... Я не видела, что продавали с лотков на улице, но очереди к ним просто змеились. Мама говорила, что раньше у нас тоже были очереди. Но я уже с ними не сталкивалась. Для меня это уже экзотика.

Мимо нас пробежала стайка пионеров с вожатым – все в красных пионерских галстуках. А вот другая стайка – у них галстуки бело-голубые. И это тоже экзотика.

– А у нас давно пионеров нет, – сообщила я, проводив их взглядом. – Саня, ты пионер?

– Вышел из этого возраста, – усмехнулся Саня.

– А почему пионерские галстуки разного цвета?

– У разных школ разные галстуки, – вмешался дядя Андрей. – А Саша скоро вступит в Коммунистический Союз молодежи.

Саня усмехнулся.

– Да не хочу я туда вступать, – возразил он.

– Мало ли что – не хочешь, – сказал дед, – это нужно, и ты знаешь об этом.

Саня дернул плечом и поморщился, как будто у него заболели зубы.

– А у нас и комсомольцев давно нет, – сказала я, желая защитить Саню. Мне показалось, что «Коммунистический Союз молодежи», о котором намекал Санин дедушка, тот же комсомол, только кубинский.

– И что? Разве это хорошо? – спросил дядя Андрей.

– Не знаю. Не хорошо и не плохо, так, все равно.

– Вот и плохо, что все равно, – дядя Андрей посмотрел на меня осуждающе.

Мы остановились у памятника национальным героям. Тут тоже стояли ребята в красных галстуках. Вожатый в белой рубашке с короткими рукавами и тоже в галстук, показывая на каменные фигуры, что-то с воодушевлением рассказывал пионерам. Они внимательно слушали.

– О чем это он? – поинтересовалась я.

– О героях революции. Скоро ее годовщина, вот и проводят пионерские сборы, – объяснил дед.

Да. Все серьезно у них в самом деле! Кажется, когда-то у нас то же самое было. Мама рассказывала. Я достала камеру, чтобы сфотографировать пионерский отряд. В это время вожатый повернулся и в упор посмотрел на меня.

– Can I take a photo of you?¹ – спросила я, приподняв камеру на уровень глаз.

– No², – парень сказал это так бескомпромиссно, что я тут же опустила фотоаппарат.

Да. Все у них ОЧЕНЬ серьезно. Может, я в Советском Союзе, только в прошлом?

Нет. В небе светило кубинское солнце, и почти вровень с ним размахивали прическами кокосовые пальмы.

– Кафе «Бодегита-дель-Медио», – торжественно провозгласил Санин дедушка перед входом в здание и снова подмигнул, дав понять, что я увижу нечто из ряда вон выходящее. Он пропустил меня в дверь первой.

На меня сразу обрушилась музыка, по которой как будто перекатывались камушки. Оркестр состоял из четырех или пяти человек – гитара, маракасы, небольшой странной формы барабан, какие-то трещотки... Он напоминал виноградную гроздь – так кучно стояли музыканты. И музыка была какая-то необычная: задорная, но не просто задорная, очень ритмичная, и главное место в ней, как мне показалось, играли трещотки и барабаны. И гитара, конечно! Нет, тут все было главным!

– Прекрасный оркестр! – говорю спутникам с улыбкой. – Замечательно играет!

¹ Можно я вас сфотографирую? – *англ.*

² Нет. – *исп.*

– И не потому, что кафе знаменитое, – отвечает дядя Андрей, – на Кубе все оркестры замечательные. В любой забегаловке! Прости, в любом ресторанчике – виртуозы. Ты сама это увидишь. И сказал, понизив голос мне на ухо: – Тут любую забегаловку называют рестораном.

Ага, кафе, значит, знаменитое. Чем – мне сейчас скажут. А народу тут! Не протолкнуться! Сквозь толпу людей пробираемся по узкой деревянной лестнице на второй этаж. К счастью, здесь есть свободный столик. Его только что освободили. Усаживаемся за него. Дядя Андрей что-то заказывает официанту, и нам приносят по стакану прозрачного напитка. Он чуть зеленоватый, со льдом, на поверхности плавают листики мяты.

– Мохито, – объявляет дядя Андрей, – любимый напиток писателя Хемингуэя. – Он смотрит на меня, ожидая реакции. Ее нет, и тогда он продолжает: – Хемингуэй прожил в Гаване двадцать лет. Последние годы жизни. Он выбрал Кубу как самое лучшее место на земле.

И снова пауза с ожиданием. По выражению его лица я понимаю, что он ждет моих восторгов и восклицаний. Саня тоже ждет. И тоже выжидающе смотрит. А я молчу. У меня ноль эмоций. Я не понимаю, чем я должна восхищаться. Может, мохито? Но в Москве я его уже пробовала. Вкусный, мне понравился.

– Хороший напиток, – одобряю я, отпив два глотка. И оглядываюсь по сторонам.

Любопытное местечко! Все стены в фотографиях, а пустые места до миллиметра исписаны автографами. Пожелай я тут расписаться – не найду двух сантиметров для своей закорючки.

Наконец, мои спутники догадываются о моей необразованности.

– Ты знаешь такого писателя – Хемингуэя? – спрашивает Саня.

Я пожимаю плечами. Мне стыдно, но я о нем не слыхала.

– Вроде бы знаю, – тихо говорю я, а потом сознаюсь. – Нет, не знаю. Простите.

– Это его любимое кафе, – добавляет Саня, – в Гаване он чаще всего бывал здесь.

– Ваш знаменитый кубинский писатель? – спрашиваю смущенно и осторожно.

Дядя Андрей смотрит на меня с насмешкой.

– Эх вы, нынешние молодые россияне, – упрекает он. – Не знаете Хемингуэя! А мы в вашем возрасте его любили и чтили. И в каждом доме был его портрет. И в доме твоего деда, кстати, тоже, – добавляет он. – Я был в гостях у Василия, видел. Седой человек в сером свитере. Может, вспомнишь?

И я вспомнила! Точно ведь! На боковой стенке дедушкиного книжного шкафа и правда висел портрет бородатого человека с крупными темными глазами. У него был толстый серый свитер с отворотом. Этот портрет и сейчас висит в бабушкиной квартире!

Я покраснела.

– Ну... мы знаем других писателей... – сказала, чтобы хоть как-то оправдаться.

– Новое время – новые песни? – насмешливо спрашивает дядя Андрей.

– Ну да... – пожимаю плечами.

– Приедешь домой – прочти его «По ком звонит колокол», – говорит Саня.

– Пусть сначала «Старик и море» прочтет, – добавляет дядя Андрей.

– Или рассказ «Кошка под дождем».

– Или «Прощай, оружие!»

– Прочту, – обещаю я. – Обязательно. – И снова верчу головой: – А кто тут расписывался на стенах?

– И знаменитости, и обычные люди, вроде нас с тобой, – усмехается дядя Андрей. – Тут, в этом кафе, можно сказать, весь мир побывал.

И вот теперь мне повезло!

– Ты тоже можешь расписаться, – предлагает Саня.

Я не прочь оставить свой автограф. Но сколько ни искала – так и не нашла подходящего местечка. А поверх какого-нибудь другого, пусть и выцветшего, автографа было нехорошо расписываться. Как будто бы я отталкивала какого-нибудь человека и сама становилась на его место.

Распрощалась с новыми друзьями на крыльце отеля. Дед-

дядя руку пожал, а рыжий рукой махнул:

– Чао!

– Чао, – это по-итальянски, – язвительно заметила я.

– На Кубе разрешено говорить на итальянском, сеньорита, – ответил рыжий. – И на русском разрешено, и на английском. Пока разрешено, – Саня сделал ударение на первом слове.

– А на китайском, сеньор? – спросила я.

– Ну, на китайском – первое дело. А по-испански до свидания – Адьос! Адьос, Дженя!

– Адьос! – я помахала рукой и поднялась на лифте в свой номер. В душе все еще звучали латиноамериканские мелодии кафе «Бодегита-дель-Медиа».

Чемодан распаковывать не стала – завтра мы отправлялись в Варадеро. Достала только из рюкзака нетбук, спустилась в лобби, где была зона wi-fi, и отправила маме сообщение по электронной почте. У мамы свой ноутбук.

«Мамочка, все у меня в порядке! Тут тепло и растут пальмы. Меня встретил дядя Андрей, одноклассник дедушки Васи, со своим внуком Александром. Сообщи, пожалуйста, папе. У него в палате нет Интернета. Целую и обнимаю, твоя дочь Женька!»

Сомневаюсь я, что мама папе позвонит, но ничего. Папа сам с ней свяжется и обо мне спросит. Потом написала Алишке:

«Алишка, Куба – это рай! Кокосы падают прямо на голову. Познакомилась с Саней, которого тут все зовут Александром. Рыжий, с голубыми глазами. Он кубинец, но его мама русская. Русский язык он знает не хуже нас с тобой. Мы с ним будем ездить по Кубе. Это неплохо – по-моему, из него легко вить веревки. Я буду делать что захочу, а он – охранять меня от горячих мачо, хотя я вообще никаких мачо не боюсь. Пусть они меня боятся.

Целую, я».

Сунула нетбук в сумку, перекинула через плечо и вышла на сильно вечеряющую улицу. Разве я могла не погулять по Гаване в одиночестве? Молча, сосредоточенно подышать ее воздухом, не торопясь осмыслить, что я рядом с экватором, вон и месяц здесь плывет по небу совсем по-другому, рожками вверх, совсем как золотая ладья. Напротив отеля – Капитолий, я перешла дорогу и направилась прямо к нему, залитому искусственным светом. К нему вела длинная широкая лестница. На ней даже ступенек, наверное, ровно столько же, как к американскому двойнику! Я не спеша поднялась до самого конца и села на верхнюю ступеньку. Прекрасный обзор отсюда! Передо мной расстилалась широкая площадь. Сейчас по ней шли редкие прохожие. Прошмыгнул мальчишка на велосипеде. От остановки отошел автобус. Ну и людей набилось в него! Даже на подножке висели! Тишина. Шелестели пальмы под ветром. Я все еще смотрю кино. Теплынь...

Кубинский полицейский в черном берете тоже поднимается по ступенькам. Он направляется прямо ко мне. Здравствуйте, здравствуйте, господин, ой, простите, товарищ полицейский... На ломаном английском молодой полицейский объясняет, что я не могу тут сидеть.

– Почему? – Я поднимаюсь, оглядываясь. – Я кому-то мешаю?

– Не можете. Это закон. Но вы можете сесть пониже, там можно сидеть.

Странно! Пересела ступенек на двадцать пониже. Вроде бы успокоился. Только наблюдает, как я посиживаю, но никаких телодвижений не предпринимает. Странные, однако, тут законы. Вверху – нельзя, внизу – пожалуйста...

Стоило полицейскому исчезнуть с моего горизонта, ко мне подвинулся какой-то человек. Он на той же ступеньке сидел, только с другого края. По виду испанец. Да кто их разберет по национальности, тут же такое смешение кровей! На острове жили индейцы, завоевали его испанцы, они повывезли сюда негров из Африки на сахарные плантации... Да, впрочем, зачем разбираться?

Человек рядом со мной заговорил... Хорошо, что люди догадались хоть один язык сделать международным. Ничего, что это английский. Было время, все знали французский, а когда-нибудь, может быть, люди планеты будут на русском общаться.

– Девушка, вам повезло, вас не арестовали, – сказал куби-

нец. – Потому что вы туристка. Вам, туристам, вообще везет. Вас никогда не накажут. Вам все можно. А если бы наверх сел я, кубинец, меня могли бы бросить в тюрьму.

– Да ну! Правда, что ли?

– Это у нас очень серьезное нарушение.

– Ничего себе! Спасибо за информацию!

– Пожалуйста. А вы откуда?

– Из России.

Испанец-кубинец разулыбался.

– Русия – хорошо! Гуд, гуд Русия...

Показался тот же полицейский, он возвращался со стороны моря. Голова опять в мою сторону повернута. Вот не даю ему покоя! А может, кубинцам нельзя с туристами заговаривать? Может, подведу своего неожиданного собеседника?

– До свидания, мне пора, – торопливо прощаюсь с ним и сбегаю с лестницы вниз.

– Адьос! – несется вслед.

Да! Как же, походишь по Гаване в одиночестве! Подумаешь, сосредоточишься! Мечтать не вредно! Стоило мне перейти на другую сторону площади, ко мне подлетел чернокожий парень. Высокий, стройный, с кудрявой шевелюрой. Ужасно симпатичный. У него огромные живые глаза и приятные черты лица.

– Добрый вечер! – поздоровался по-английски.

– Добрый вечер.

И правда, добрый, чего же ему быть не добрым, я в Гаване,

в тепле, а еще утром была в Москве и холоде.

– Откуда вы?

– Из России.

Опять улыбка и одобрение. Приятно, что Россия вызывает у кубинцев добрые чувства!

– Меня зовут Хосе.

– Меня – Евгения, Женя.

– Nice to meet you³.

– Nice to meet you too.

– Не хотите ли посетить ресторан?

И парень откидывает руку в сторону, показывая на дверь. Ничего себе! Оказывается, мы стоим ровно у ресторанного входа.

– По стаканчику эль-мохито, сеньорита?

– Вы меня приглашаете?

– Yes, – парень кивает и расплывается в белоснежной улыбке. И снова приглашающий жест по направлению к двери.

Мне хочется узнать о Кубе. А для этого нужно общаться как можно с большим количеством людей. Почему же не зайти, раз приглашают? Отчего же не познакомиться с молодым человеком приятной наружности и не выпить стакан напитка, который любил замечательный писатель Хемингуэй? Конечно, дома я прочитаю его книги. А пока – буду пить мохито! Мне ничто не угрожает! Ничто! Вон полицейский

³ Приятно познакомиться – *англ.*

совсем близко, он за мной, видно, решил на всякий случай понаблюдать. Вдруг я снова захочу посидеть на верхней ступеньке у Капитолия? Или сделаю что-нибудь еще неподобающее на Кубе? Так что если что случится – позову его! Я ничего не теряю!

Мы с Хосе в просторном зале почему-то одни-одинешеньки. Официантки, похоже, его знакомые. Чернокожая девушка к нам с готовностью почти подбежала. Стоило Хосе кивнуть, и уже знакомый напиток с листочками мяты в красивых высоких бокалах перед нами.

– Нравится? – спрашивает Хосе, кивая на стакан. Он уже выпил половину, а я не спешу, отпиваю ледяной напиток маленькими глотками. У меня слабое горло, чуть что – простуда тут как тут, а у них, похоже, все напитки со льдом.

– Очень, – киваю я.

– Может, еще что-нибудь закажем? – Хосе протягивает мне узкую книжечку меню.

Ничего, цены вполне терпимые. Хосе несильно разорится. Осьминога, что ли, заказать? Попробую, что это за «фрукт». Устриц? Креветок? А завтра я расскажу Александру про свое новое знакомство. Хосе – сама любезность, спрашивает меня обо всем – откуда я, зачем приехала на Кубу, сколько мне лет. Я отвечаю и интересуюсь его персоной. Мне хочется, чтобы Хосе рассказал о красивой молодой жизни на Кубе. Я уже знаю, что он студент. Ему двадцать. Живет тут, в Гаване.

– Что-нибудь еще будем заказывать? – спрашивает он снова и взмахивает книжечкой меню.

– Нет, спасибо.

Я раздумала пробовать осьминога. Не хочу быть никому обязанной, и Хосе в том числе. Мохито пусть угощает, а на большее я не согласна.

Вот рассказами о Кубе, о здешней жизни – этим меня угощайте, пожалуйста! Готова слушать всю ночь! Я сыплю вопросы. Как вы поживаете на чудном острове? В такой красоте! Прекрасный город! Прекрасный климат! Целую минуту я распыляюсь о первых впечатлениях от острова Свободы. Они великолепны! А Хосе вдруг говорит:

– При первой же возможности я отсюда уеду, – голос грустный, и сам Хосе погрустнел.

– Что? – меня как холодной водой окатили. – Почему?

– Мой брат переплыл Мексиканский залив на плоту. Два года назад. Ты знаешь, Евгения, это очень опасно – плыть на плоту через океан. Очень опасно. Многие погибли при подобной попытке. Очень многие. Но брату повезло. Он сейчас в Америке, в США.

– Но почему, почему? Разве тут плохо?

– А разве ты не видишь, что Куба – тюрьма?

У меня раскрылся рот от удивления и глаза на лоб выскочили. Представляю, какой был у меня вид! Что? Куба – тюрьма? Не вижу, конечно!

– Молодежь ненавидит Фиделя Кастро, – продолжал Хо-

се. – Он узурпатор. Я тоже его не люблю. Я уеду с Кубы, но буду скучать по ней всю свою жизнь. Потому что люблю ее. Это правда, что наш остров похож на рай.

– Вот именно... Уехать из рая... – Я недоуменно кручу головой. – Суперпотрясно!

– Тебе известно, что эта вот девушка, – Хосе кивает на официантку, которая сидит сейчас на стуле у входа, поглядывая на нас, – получает шесть долларов в месяц?

– Что?

Мои глаза снова на лбу.

– Шесть долларов в месяц.

К нам подходит эта чернокожая девушка. Ей показалось, Хосе захотел, чтобы она подошла. Она кладет передо мной маленький листочек, на котором проставлен счет: шестнадцать долларов. За два стакана мохито шестнадцать долларов, а она получает шесть! В голове не укладываются эти разные по смыслу и количеству суммы...

Девушка в упор смотрит на меня. А я в упор – на Хосе. А он – сначала в стол смотрел, а потом стал тоже сверлить меня взглядом. И не собирался выворачивать свои карманы. Меня настигло второе открытие. И опять оно было не из приятных. Я поняла, что раскошелиться за угощение придется мне. Что вовсе не Хосе меня угостил, а я его. И он сразу знал, что платить буду я. Может, я чего-то не поняла?

Я вытащила деньги и расплатилась.

– Грасиас, – сказала официантка и белозубо улыбнулась.

И она знала, что платить буду я, а не он. Не в первый раз, наверное, этот прохиндей проделывает подобную авантюру.

Нет, все же Хосе, наверное, слукавил. Шесть долларов в месяц – зарплата девушки. А я заплатила шестнадцать. Выпить два стакана мохито – шестнадцать. Месяц прожить в Гаване – шесть. Нет, этого просто не может быть! На это прожить невозможно! Выходит, неполный стакана мохито девушка должна пить целый месяц, ничего больше не пить и не есть и при этом не протянуть ноги!

Мы вышли на улицу. Хосе был мне уже не очень симпатичен. Ой, да он мне уже совсем не нравился! Хитрец! А еще спрашивал, не заказать ли нам еще чего поесть! Ха! Вот так кубинцы! Джентльмены! А может, он голодный? – мои мысли повернули в другую сторону. Да, наверняка голодный! Если только не слукавил, что зарплаты официанток такие позорные.

– Прости, Евгения, – сказал Хосе на улице через несколько шагов. – Ты не могла бы оказать мне материальную помощь?

Его английский безукоризнен. Ну как же! Он ведь нацелился на Америку!

– Я тебе ее оказала, Хосе. Угостила тебе мохито. Извини.

– Спасибо, – он повернулся и зашагал прочь от меня через площадь.

Я могла бы ему помочь. Деньги у меня с собой были. Я же первый день на Кубе, еще не истратила! Но я не люблю,

когда поступают шиворот-навыворот. Говорят одно, а делают другое. Говори лучше прямо: «Хочу, чтобы ты меня, girl, угостила. А я расскажу тебе, что хочу сбежать с Кубы».

Словом, мы с Хосе расстались, недовольные друг другом. А у меня появились вопросы...

Я быстро направились к отелю. Хорошо, что он рядом. Больше никаких знакомств! Мимо прошел чернокожий кубинец и, поглядев на меня, улыбнулся. Какие у него ослепительно белые зубы! Нет, не смотреть по сторонам. Не отвечать на улыбки, приветствия. И вообще, я хочу спать.

В холле раскрыла свой компьютер и посмотрела в Интернете про Кубу:

«Как только в XV веке Колумб открыл Кубу, началось завоевание острова испанцами. Расправившись с коренным населением – индейцами, колонизаторы завезли на Кубу тысячи черных рабов из Африки для работы на сахарных, табачных и кофейных плантациях. В XIX веке Кубу открыли для себя американцы. До революции 1959 года остров испытывал большое нашествие эмигрантов. Ехали со всех точек земного шара. Кто только не хотел обосноваться на «райской земле»! Вот почему кубинский народ представляет собой удивительную смесь всех национальностей планеты. Это по-своему хорошо: попробовали бы сейчас разобраться, кто больше прав имеет на этот остров – пустой номер».

Хотела еще прочесть отзывы туристов про «остров Сво-

боды», но глаза начали слипаться.

Добралась до своей комнаты и рухнула в кресло-качалку. Включила телевизор, но меня хватило на полчаса.

День был длинный-предлинный.

Такой же, как расстояние от Москвы до Гаваны.

Пью обжигающий кофе из крохотной чашки. На улице темнота, очертания домов лишь угадываются. Но вот темень редее, редее, как будто кто-то подливает в кофе-ночь молока... На горизонте в проеме домов разгорается оранжевая заря. Она желтеет, поднимается выше, выше. И вот уже на макушку неба пробился голубой цвет. Наступило утро...

Утро в Гаване.

Никак не могу привыкнуть к шведскому столу. Ой, что я говорю: привыкнуть. Как будто он у меня каждый день. А всего-то в жизни во второй раз! В прошлом году мы с мамой на неделю летали в Турцию по путевке «Все включено». С непривычки я набирала там в три раза больше еды, чем могла съесть.

Вот и сейчас. Выпила кофе и заказала яичницу из трех яиц, причем попросила бросить туда и томатов, и болгарского перца, и еще какого-то незнакомого овоща, а потом, когда мне все это очень искусно изготовили, полила яичницу неизвестным бордовым соусом. Караул: соус оказался сладким! Может быть, это был не соус, а варенье или джем. Да ладно,

жалко выкидывать! Но съесть блюдо не смогла, поклевала чуть-чуть, с краю, где меньше попало бордового джема. Взяла еще сыра, рыбы, орехов и все это запила апельсиновым фрешем. Но главное была не еда. Нет, не еда. Да я вообще не раба желудка.

Главным было вот что: сидеть на балконе ресторана и любоваться просыпающейся Гаваной. Огромным южным городом испанской архитектуры.

А потом подъехали дядя Андрей с Александром.

Дядя Андрей взял нам такси, уложил мой чемодан и рюкзак Александра в багажник, и мы понеслись в сторону Варadero. Мчимся вдоль моря, вдоль моря, я все глядела, когда же будет подходящее место, где можно окунуться? Но берега были труднодоступны. Невысокие черные скалы, утесы и весь берег черный, каменный, изрытый уступами. Волны бились о них, и ни одна не уцелевала, разбивалась на мельчайшие брызги. Вот же остров, думала я, это же крепость какая-то, никакой враг ей не страшен. С другой стороны дороги, по которой мчалась наша старая, неизвестной марки машина, росли высоченные деревья, а на их верхушках гнездились огромные птицы. Я никогда не видела кондоров, но почему-то мне показалось, что это именно они и есть. Я знала из Интернета, что кондоры – птицы большие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.